

DOI:

Научная статья / Research paper

В.М. Капицын

*Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова (Москва, Россия)*

Шао Цзянина

*Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова (Москва, Россия)*

ТРИАНГУЛЯЦИЯ В ГЕТЕРАРХИЧНОЙ СРЕДЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ)

Статья посвящена проблемам триангуляции в политической науке. Авторы используют концепт «триангуляция» при анализе балансирования сил в международных отношениях (МО). В статье обобщаются данные отечественных и зарубежных авторов в целях реактуализации значения триангуляции для анализа влияния «треугольников» на международную безопасность. «Триады» («треугольники») — аналитическая модель для исследования минилатеральных межгосударственных коалиций или партнерских диалоговых платформ в гетерархичной среде МО. Концепты гетерархии объясняют диалектику анархии и иерархии. Гетерархия — состояние, в отличие от иерархии, не связанное с единственным «высшим уровнем» регулирования, учитывающее реляционные зависимости и координационные взаимодействия. При рассмотрении типов «триад» и вариантов взаимодействия в них авторы применяют системный метод, включая анализ иерархий, сетевой и координационный анализ, а также обращаются к структурно-функциональному, реляционному и сценарному анализу. Особое внимание уделено «триадам» в Азии, включая РИК (Россия-Индия-КНР), а также стратегической «триаде» США-КНР-Россия.

Ключевые слова: триангуляция, «триады», международные отношения, иерархия, гетерархия, «треугольник» США-КНР-Россия, «треугольник» Россия-Индия-КНР.

V.M. Kapitsyn

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Shao Jianina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**TRIANGULATION IN A HETERARCHICAL
ENVIRONMENT
OF THE INTERNATIONAL RELATIONS
(THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
FOUNDATIONS)**

The article is devoted to the problems of triangulation in political science. The authors use the concept of «triangulation» in the analysis of balancing forces in international relations (IR). The article summarizes the data of domestic and foreign authors to re-actualize the importance of triangulation for analyzing the impact of «triangles» on international security. «Triads» («triangles») is an analytical model for the study of minilateral interstate coalitions or partner dialogue platforms in the heterarchical environment of the IR. The concepts of heterarchy explain the dialectic of anarchy and hierarchy. Heterarchy is a state, unlike hierarchy, that is not associated with a single «higher level» of regulation, taking into account relational dependencies and coordination interactions. When considering the types of «triads» and the options for interaction in them, the authors apply a systematic method, including hierarchy analysis, network and coordination analysis, and also turn to structural-functional, relational and scenario analysis. Special attention is paid to the «triads» in Asia, including the RIC (Russia-India-China), as well as the strategic «triad» of the USA-China-Russia.

Key words: *triangulation, «triads», international relations, hierarchy, heterarchy, the «triangle» of the USA-China-Russia, the «triangle» of Russia-India-China.*

Триангуляция — термин, пришедший из геометрии и архитектуры. В социологии и маркетинге он обозначал связи между участниками в виде «триад» (наименьших единиц анализа сети)¹. «Триангуляция» в соотношении с понятиями

¹ *Siltaloppi J., Vargo St. Triads: A review and analytical framework // Marketing Theory. Vol. 17. No. 4. P. 395-414. URL: <https://doi.org/10.1177/1470593117705694>*

«треугольная дипломатия», «трилатерализм» используется для анализа политики балансирования сил в международных отношениях (МО)². В нашей статье рассматривается триангуляция как формирование «триад» («треугольников»)³ в качестве минилатеральных межгосударственных коалиций и диалоговых платформ. Для исследования «триад» в МО применим комплекс методов, соединяющий системный (включая анализ иерархий, сетевой и координационный анализ), а также структурно-функциональный, реляционный и сценарный методы. Цель статьи, обобщая данные отечественных и зарубежных работ, реактуализировать объяснительные возможности триангуляции для анализа регулирования МО, выявлении взаимосвязей акторов в «треугольниках» и влияния последних на состояния глобальной и региональной безопасности.

Триангуляция в динамичной международной среде

«Триады» — популярная аналитическая модель⁴, и эта популярность отражает распространенность практик «трехсторонней дипломатии». Чжао Хуашэн считает, что «любая тройка стран, имеющих отношения ограничения и

² US-China-EU Relations Managing the New World Order / Ed. R. Ross, Ø. Tunsjø, Z. Tuosheng. L.: Routledge, 2010. P. 273–286. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203860205>; Елацков А.Б. Обобщенная модель «геополитического треугольника» // Грамота. 2015. № 10(60). Ч. III. С. 57; Богданов К.В. «Задача трех тел»: «двойное сдерживание» в политике США и стратегическая стабильность // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 8. С. 5–16.

³ В статье понятия «триада» и «треугольник» используются как условно взаимозаменяемые.

⁴ В последние годы по частоте обращения эта тема уступала только теме «баланса сил» (Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // Контуры глобальных трансформаций. 2021. Т. 14. № 3. С. 24).

взаимодействия, может создать «треугольники»⁵. В истории известно внимание О. фон Бисмарка к формированию «триад». По его мнению, «вся политика может быть сведена к формуле — постарайся быть среди троих в мире, где правит хрупкий баланс пяти держав» и «это — единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций»⁶. Современная мировая политика давно вышла за пределы Европейского ареала, но анализ ситуации в мире вызывает аналогии с опытом «железного канцлера».

Природа триангуляции полнее раскрывается при анализе форматов регулирования глобальных и региональных процессов, стратегий и тактик сдерживания, многосторонности, мер укрепления доверия и т.д. Сохраняется методологическая значимость ряда исследований 1970–1980-х гг., в том числе, вклада Р.Г. Брауна, Т. Каплоу и Л. Диттмера. Опираясь на социологические идеи Г. Зиммеля, Т. Каплоу использовал модели «триад» при изучении коалиций⁷. Р. Браун и Л. Диттмер рассматривали стратегические «треугольники», в частности, Большой треугольник США–СССР–КНР 1970-х гг.⁸ Г. Киссинджер, помимо моделей «триад», много внимания уделил практике формирования «треугольных» отношений

⁵ Чжао Хуашэн «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. № 10 (2). С. 74.

⁶ Цит. по: Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. С. 527. *Levyash I. Global Peace and Geopolitics: Cultural and Civilizational Dimension: in 2 vols. Minsk, 2012. Book. 2. 409 p.*

⁷ *Caplow T. A Theory of Coalitions in the Triad // American sociological review, 1956. Vol. 21, No. 4. P. 489–493.*

⁸ *Brown R.G. Chinese Politics and American Policy: A New Look at the Triangle // Foreign Policy. Summer 1976. No. 23. P. 3–24; Dittmer L. The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis. World Politics. Vol. 33. No. 4. July 1981. P. 489. URL: <https://doi.org/10.2307/2010133>.*

США-СССР-КНР в 1970-х гг.⁹ Выявляются новые аспекты триангуляции в МО, затрагивающие темы анархии, иерархии, гетерархии. Понятие «гетерархия», заимствованное из моделирования нейронных сетей, социальной сложности¹⁰, пришло в политическую науку¹¹.

Концепты гетерархии объясняют диалектику анархии и иерархии в триангуляции. Гетерархия — состояние, не связанное, в отличие от иерархии, с единственным «высшим уровнем» регулирования, учитывает реляционную зависимость, координационные взаимодействия. Кстати, К. Уолтц рассуждал, стоит ли сводить сообщества к двум типам («анархия»/«иерархия»), и почему не представить их сочетание или третий тип¹². Т. Керимов и И. Красавин видят в гетерархии соединение иерархий с сетями¹³. Немало реалистов, неореалистов, представителей английской школы говорили об анархии как естественном состоянии в МО, которое приходится регулировать (Р. Гилпин, Р. Аксельрод, М. Уайт, Х. Булл, П.А. Цыганков). В классической работе Х. Булла «Анархическое общество: исследование порядка в мировой политике» (1977), до сих пор пользующейся авторитетом¹⁴, «анархия» –принятое «рабочее» понятие.

⁹ *Kissinger H.* White House Years. N.Y., L., Toronto, Sidney: Simon & Schuster Inc., 2011. P. 776–870. URL: file:///C:/Users/д/Desktop/2025%20ПОС-КИТ%20конференции%2028%20марта%202025%20г/0_OceanofPDF.com_White_House_Years.pdf

¹⁰ *Delanda M.* A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity. London: Continuum. 2006.

¹¹ *Heterarchy in World Politics* / Ed. Philip G. Cerny. NY: Taylor & Francis, 2023.

¹² *Waltz K.N.* Theory of International Politics. Reading (Mass.): Addison-Wesley Publishing Company, 1979. P. 115.

¹³ *Kerimov T.Kh., Krasavin I.V.* Ontology of the multitude and heterarchy of the common // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. No. 13(8). P. 1299.

¹⁴ *The Anarchical Society in a Globalized World* / Edited by R. Little, J. Williams. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 1–6.

К. Уолтц полагает, что анархия обусловлена отсутствием мирового правительства («международные системы децентрализованы и анархичны»), что чревато неоправданным насилием, а это вызывает необходимость регулирования, а соответственно и образования иерархий¹⁵. Власть в МО связана с балансами сил, гегемонией, распределением власти, что сопровождается не только иерархическими зависимостями, но и реляционными, т.е. сила и власть в МО распределяются в зависимости от конфигурации связей и позиций государств. В дискуссии 1990-2000-х гг. Д. Лейк представил иерархию в МО виде ситуации, в которой доминирующее государство получает власть как контракт на фундаментальное ограничение подчиненных государств в обмен на обеспечение порядка и безопасности. А гетерархию он определяет как иерархии, объединенные глобальными и региональными сетями¹⁶. После холодной войны иерархия выстраивалась как гегемония и (или) «империя» США. Но в 2000-е гг. подобная иерархия ослабляется и проявляется сдвиг к полицентричности (многополюсности). Если иссякают ресурсы у гегемона, появляется больше зон с гетераричным регулированием насилия в МО.

В поисках онтологических допущений теория гетерархии пересекается с структурно-системным подходом в МО. Система МО, по мнению П.А. Цыганкова, носит объективно-субъективный характер, т.к. частично имеет основания в реальной действительности, а частично конструируется

¹⁵ *Waltz K.N.* Op. cit. P. 102.

¹⁶ *Lake D.A.* Escape from the State of Nature. Authority and Hierarchy in World Politics // International Security. Summer 2007. Vol. 32. No. 1. P. 50, 54-55.

людьми в политических и иных целях, и развивается и самовоспроизводится в соответствии с целеполаганием¹⁷. Выбор моделей стратегической триангуляции также зависит не только от субъективных предпочтений лидеров, но и от общей обстановки, пространственной структуры и национальных интересов. Т. Грэм замечает: «Биполярные и трехполюсные мировые порядки способствуют возникновению стратегических треугольников — а, возможно, выступают и необходимым для их появления условием. Объективные условия лишь часть картины. Государственные деятели ведущих держав должны пользоваться возможностями трехсторонней дипломатии, чтобы продвигать или, напротив, тормозить стратегические амбиции. [...] Стратегический треугольник [...] продукт политического выбора, который создается как часть стратегического замысла»¹⁸.

Подобное понимание регулирования МО дополняет представление о триангуляции как гетерархичном структурировании. Гетерархия соединяет с помощью сети несколько иерархий, обеспечивая множество взаимодействий, которые могут локализоваться, но остаются открытыми к созданию новых связей, взаимовлиянию со смежными иерархиями, заимствованию их связей и значений¹⁹. И это означает, как жизнеспособность существующих триад, так и расширение минилатеральных

¹⁷ Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия. 12. Политические науки. 2013. № 5. С. 5.

¹⁸ Грэм Т. Китай-Россия-США: отношения и стратегические треугольники // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 63. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05>

¹⁹ Красавин И. Гетерархия множества // ЛОГОС. 2017. Т. 27. № 3. С. 184.

образований или пристройку новых «треугольников». Опыт Большого треугольника 1970-х гг. в нынешних условиях конфигураций баланса сил стимулирует дискурс о новых глобальных и региональных стратегических «триадах». Возможно, подобный тип взаимодействия предполагал Е.М. Примаков, выдвинув идею партнерской диалоговой платформы Россия-Индия-Китай (РИК). С опорой на РИК образовался БРИК из 4-х, затем БРИКС из 5-ти государств, а в 2025 г. БРИКС включал 10 членов и 12 государств-партнеров.

Картина регулирования МО в электронном XXI в. требует еще нескольких штрихов. Сочетание сетевой и иерархической регуляций серьезно видоизменяет взаимодействие прежних форматов регулирования насилия, поддерживающих балансы сил в глобальном и региональном масштабах. Эти форматы включали: а) глобальное управление²⁰; б) соглашения великих держав (сверхдержав) или гегемонию одной сверхдержавы; в) международное право; г) мирополитические регуляторы, включающие национальные и региональные политики большинства государств²¹.

Биполюсный миропорядок (договоренности сверхдержав + международное право), подстрахованный Большим треугольником, в 1990-х гг. с уходом СССР разрушился. А «однополюсный момент» при «спящей триаде» США-Россия-

²⁰ *Sorpong Peou*. Global Public Governance, Toward World Government? Toronto: Metropolitan University, 2002. P. 3-32. URL: <https://doi.org/10.1142/12891>

²¹ *Капицын В.М.* Политико-философские и социологические аспекты регулирования насилия в международных отношениях // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2019. № 2. С. 7-23.

КНР привел сначала к усилению анархии, затем к иерархии, основанной на правилах гегемона. А это обуславливает снижение действенности международного права и расширение неформальных мирополитических регуляторов, используемых гегемоном и его союзниками. В ход шли мягко- и жестко-силовые средства — от дипломатии и информационно-культурного влияния до принуждения к миру и военных конфликтов, включая, например, прокси-войны НАТО руками Украины против России и ответной оборонительной СВО России. Исследователи отмечают: «Война и конфликты стали определяющими факторами мировой политики, изображая определённых участников в виде героев, случайных прохожих или подстрекателей к войне»²². Сильное влияние на регуляторы в МО стали оказывать мировые СМИ, социальные сети и информационно-психологические кампании. Для искажения мирополитического регулирования некоторые акторы включают даже рычаги международного терроризма. Все это вплетается в анархическое пространство МО как форматы обостряющего воздействия.

Государства ищут дополнительные средства балансировки сил и угроз — своеобразную страховку с учетом гетерархичной среды, предпочитая к имеющимся форматам прибавлять минилатеральные коалиции безопасности. Например, США подключают QUAD и «триады» AUKUS, США-Япония-Республика Корея, США-Азербайджан-Армения. Возрастание частоты образования «триад» связано

²² *Ндзалама Матебула* Понимание международного права через постинтернациональную теорию и гетерархию // Katehon. 04.07.2024. URL: <https://katehon.com/ru/article/ponimanie-mezhdunarodnogo-prava-cherez-postinternacionalnuyu-teoriyu-i-geterarhiyu>

с комплексностью регулирования МО²³, с одной стороны, и ослаблением роли институтов²⁴, с другой. Гетерархия и триангуляции — результат «пересечения» многочисленных и многоуровневых регулирующих и дерегулирующих воздействий. Снижение регулирующего воздействия гегемонии США и сдвиг к многополюсности стимулируют рост гетерархичности и поиск гибких средств балансирования и сдерживания. Объемные, формализованные многосторонние институты, в том числе аффилированные с ООН, становились более затратными и подверженными различным эрозиям. Побочное и перекрестное регулирование создавало регуляторные барьеры, и чтобы их нивелировать или обойти, государства и организации прибегают, в том числе, к минилатеральным формам взаимодействий, включая «триады»²⁵.

«Триады» для минилатеральных решений проблем безопасности

Минилатерализм — минимизированная многосторонность; в оценке количества участников таких образований исследователи часто сходятся в мнениях: У. Тоу фиксирует

²³ Drezner D. The power and peril of international regime complexity // Perspectives on Politics. Working Paper. No. 07-03. Northwestern University, 2007-2008. P. 132.

²⁴ См.: КОРТУНОВ А. Многосторонность в эпоху слабых институтов. Доклад. Фуданьский университет 25-27 апреля 2024 г. М.: РСМД, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/mnogostoronnost-v-epokhu-slabyx-institutov/87t6769869782>

²⁵ Dee M. Minilateralism and effective multilateralism in the global nuclear order // Contemporary Security Policy. 2024. Vol. 45. No. 3. P. 494-524; Tow W.T. The Trilateral Strategic Dialogue, Minilateralism, and Asia-Pacific Order Building // US-Japan-Australia: Security cooperation. Prospects and Challenges / Edit. by Yuki Tatsumi. Washington: Stimson Center, 2015. P. 23.

минилатеральные платформы при участии 3-х, иногда 4-5-ти государств²⁶, также как и К. Когу²⁷.

«Триада» — наиболее часто рассматриваемая минилатеральная структура. Фэн Шаолэй видит в ней базовую категорию истории: «В двухсторонних отношениях всегда просматривается тень третьей стороны»²⁸. Подтверждается вывод Т. Каплоу, что «теория триады обещает быть применимой к ситуациям различного масштаба...; обобщения, разработанные в трёхчленной группе, применимы к ситуациям, где взаимодействующие единицы — организованные группы, даже [...] политические партии и государства»²⁹.

Специалисты отмечают привлекательность «триад» в АТР (в последнее время применяется название Индо-Тихоокеанский регион)³⁰. Распространенность «триад» объясняется желанием держав сместить баланс сил (угроз) в свою сторону в этом регионе, концентрирующем связи мирового политэкономического развития и привлекающем интересы великих держав и поднимающихся экономик³¹.

Внимание к политике триангуляции здесь заметно с конца 1990-х гг.: в 1999 г. образовалась трехсторонняя группа по координации и надзору (США, Япония, Южная Корея); 2002

²⁶ *Tow W.T.* Op. cit. P. 24.

²⁷ *Koga K.* A new strategic minilateralism in the Indo-Pacific // *Asia Policy*. 2022. No. 17(4). P. 28.

²⁸ См.: Фэн Шаолэй «Асимметрия возможностей»: история треугольника Китай – Россия – США] // Гуаньча. 24.01.2019. URL: https://www.guancha.cn/FengShaoLei/2019_01_13_486674_1.shtml

²⁹ *Caplow T.A.* Op. cit. P. 489.

³⁰ *Tatsumi Yuki.* Introduction // *US-Japan-Australia: Security cooperation. Prospects and Challenges* / Edit. by Yuki Tatsumi. Washington: Stimson Center, 2015. P. 15.

³¹ *Green M.J.* Strategic Asian Triangles // *The Oxford Handbook of the International Relations of Asia* / Eds. S.M. Pekkanen, J. Ravenhill, R. Foot. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 758-774.

г. — TSD (Трехсторонний стратегический диалог по безопасности — США, Япония, Австралия). А с 2010-х гг. по причине роста мощи КНР и недостатка в механизмах, сдерживающих ее влияние, расширялась ориентация на институционализацию «стратегического минилатерализма» (QUAD, AUKUS)³².

«Триады» — удобная форма балансирования сил (угроз), а также интересов. Эксперты Sasakawa Peace Foundation на примере AUKUS показывают эффективность таких форм, в отличие от крупных многосторонних институтов³³. По сравнению с многосторонностью, отмечается функциональность и адаптивность минилатерализма. А, по сравнению с билатерализмом, появляется эффект «умножителя силы»: в двухсторонних отношениях равновесие и компенсация внешних дисбалансов обеспечивается за счет внутренних ресурсов; в минилатеральном формате, включая «триаду», есть возможность активизировать внешние ресурсы, как свои, так и других членов. Производятся определенные размены «активов», действие через триаду как новую платформу «выдвижения повесток», выравнивание влияния через балансир (контр-силу «третьего партнера»)³⁴.

У. Тоу выделяет и другие преимущества триангуляции перед двухсторонними отношениями: 1) «неформальные взаимодействия (официальное документальное сопровождение необязательно) для обсуждения взаимных

³² Koga K. Op. cit. P. 27.

³³ US-Australia-Japan strategic cooperation in the Indo-Pacific: Testing trilateralism through crisis simulation / Ch.J. Watterson, M.J. Green, P.J. Dean, N. Kanehara, K. Yamamoto, T. Matsu. Sydney. March 2024. P. 2.

³⁴ O'Donnell F., Papa M. India's multi-alignment management and the Russia-India-China (RIC) triangle // International Affairs. April 2021. P. 801-822.

угроз безопасности и решения конкретных задач укрепления региональной стабильности и порядка»; 2) «относительная выгода двух участников максимизируется в нейтрализации общей угрозы и реализации взаимных интересов»; 3) «нет стремления выявлять или создавать обязательные нормы»; 4) более конкретная «целевая ориентация» воспринимается как менее опасное, чем когда государства видят себя «объектом стратегий сдерживания и балансирования двусторонних альянсов, чьи ценности и интересы существенно расходятся с многосторонними повестками»³⁵. Так, США, Австралия, Япония все чаще видят в тринитерализме более привлекательный механизм сдерживания КНР, чем, Форум по безопасности в Азии с громоздкими институтами³⁶.

Адаптивность, координирующие горизонтальные взаимодействия в сочетании с организующими вертикальными связями³⁷ — такие гетерархичные черты характерны для «триад» государств. Триангуляция проявляется и при доминировании одной державы, и при балансировании сил (угроз) с использованием иерархии и сети; подходит для моделирования «зон» гетерархичной среды региональных режимов. Так, например, поступала Турция (член НАТО), участвуя в сирийском диалоге (2015–2022) с Россией и Ираном. Минилатеральные платформы

³⁵ *Tow W.T.* Op. cit. P. 23–24.

³⁶ *Ashizawa K.* Australia–Japan–US Trilateral Strategic Dialogue and the ARF: Extended Bilateralism or a New Minilateral Option? // *Cooperative Security in the Asia-Pacific: The ASEAN Regional Forum* / Eds. N.M. Morada, J. Haacke. Oxford; N.Y.: Routledge, 2010. P. 92–110.

³⁷ *Baumann R., Dingwerth K.* Global governance vs empire: Why world order moves towards heterarchy and hierarchy // *Journal of International Relations and Development*. 2015. No. 18. P. 104–128. URL: <https://doi.org/10.1057/jird.2014.6>

помогали Турции сохранять стратегическую автономию в Черном и Средиземном морях.

С помощью «триад» региональные режимы сочетаются с глобальным управлением и другими форматами регулирования МО. Это удобно для разрешения конфликтов, сдерживания и «примыкания» в разных раскладах. Специалисты насчитывают в «триадах» до шести³⁸ и более вариантов взаимодействий. В стратегических «триадах» чаще всего выстраиваются расклады: 1) «два совместно сдерживают одного» («стабильный брак») — США-СССР-КНР в 1950-е гг.; пред-состояние современной стратегической триады — «геополитический триплекс» США-КНР-Россия в 2010-е и в 2020-е гг.³⁹; 2) «один примиряет двух других» («романтический треугольник») — США-Япония-Южная Корея; Россия-Индия-КНР); 3) взаимное трехстороннее сдерживание («Большой треугольник» 1970-х гг.; США-КНР-ЕС в 2020 гг.); 4) оборонительные «триады», региональные в территориальном срезе, но стратегические по геополитическому характеру (Россия-КНР-КНДР в 1950-х и 2020-х гг.; Россия-Сирия-Иран в 2015-2023 гг.; «триада» AUKUS).

При этом стратегическое взаимодействие в первом и третьем вариантах «триад» не имело прямых общих (трехсторонних) взаимодействий, но их взаимосвязь латентно поддерживалась динамикой сдерживания и координации на основе баланса сил (угроз) между вершинами «треугольника»⁴⁰. Во втором варианте «треугольные»

³⁸ Caplow T.A. Op. cit. P. 490.

³⁹ Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Большой стратегический треугольник. М.: Московский Центр Карнеги, 2013; Богданов К.В. Указ. соч. С. 13.

⁴⁰ Худайкулова А.В. Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // Контуры

отношения временно прерывались, но за счет двухсторонних контактов одной из держав с каждой из двух других поддерживалось балансирование сил в «триаде» и позволяло полнее учитывать контекст — влияние остальных держав за рамками «триады».

Особняком стоит трудно классифицируемый вариант — «плавающие триады» с участием Турции. Последняя сохраняла стратегическую автономию при росте напряженности по линии Запад-Восток (Север-Юг), расширяя финансовое, экономическое и военно-техническое партнерство с Россией и КНР, снижая зависимость от США, с другой стороны, развивая туранскую линию Турция – Азербайджан – Центральная Азия (ЦА). Все это помогало сохранять регламентирующую роль в использовании черноморских проливов⁴¹.

Ценным является опыт участия Индии в стратегических «триадах» при осуществлении тактики «мягкого балансирования» (soft balancing), корректирующей состояние двухсторонних отношений с КНР, Россией, США. Неформальные минилатеральные взаимодействия в РИК дополняют традиционную политику многовекторности. После конфликта в Гальванской долине 15–16 июня 2020 г. изменялась тактика Индии в «триадах» РИК, ИБСА (Индия–Бразилия–Южная Африка), а также в БРИКС, ШОС и G-20. Эпизоды в Гальване прервали нормализацию отношений Индия–КНР в управлении Ладакхским корридормом, что подвинуло Индию активнее использовать «мягкое

глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 56.

⁴¹ Шлыков П.В. Турецкий кульбит // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 145–146.

балансирование» и ограничение сотрудничества с КНР. Индия использовала минилатеральные и мультилатеральные институты, в том числе, активизировала сотрудничество в противодействующих РИК и БРИКС прозападной структуре QUAD (США, Индия, Япония, Австралия) для ослабления влияния КНР⁴². Но в 2025 г., когда США ужесточили тарифную войну против Индии, последняя активизировала контакты с КНР и Россией в «триаде» РИК и в БРИКС, а также с Бразилией и Южной Африкой в «триаде» ИБСА.

Такой опыт заслуживает внимания. Во-первых, Индия предпочитает использовать множество международных структур взаимодействий для сближения политических позиций или сдерживания, не умножая мультилатеральные межправительственные альянсы, но чаще обращаясь к неформальным минилатеральным платформам. Во-вторых, Индия интенсифицировала возможности имеющихся платформ и коалиций как средство внешнеполитического хеджирования (страхования) рисков и компенсации возможных неудач в какой-либо из мультилатеральных структур⁴³. Характерна при этом динамика изменений в отношении РИК: усиление трехсторонних контактов в 2018 г., их снижение в 2020 г. (параллельно повышение уровня взаимодействий в QUAD и ИБСА), и снова усиление внимания к взаимодействиям в РИК в 2025 г., после того, как Д. Трамп ввел высокие пошлины против Индии из-за покупки ею российских углеводородов.

⁴² *Hall I.* India's China strategy after Galwan: minilateral and multilateral soft balancing in the Indo-Pacific // *International Affairs*. 2025. Vol. 101. No. 5. P. 2.

⁴³ *O'Donnell F., Papa M.* Op. cit. P. 803.

Хеджирование с помощью «триад» удобно при росте внешних рисков в гетерархичной международной среде⁴⁴. Каждый участник «триады» представляет собой относительно независимую иерархию, но сама стратегическая «триада» (как гетерархия) включает сеть, связывая координацией эти иерархии. Выстраиваемые каждым государством иерархии находятся в разных ситуациях, имеют разные цели, но сетевые отношения создают общую координирующую ситуацию («экстериорную фрактальную фигуру»⁴⁵), не вполне соотносящуюся с целями каждого из трех государств. Неформальные минилатеральные платформы удобны для актуализации политических повесток, которые не проходят в мультилатеральных формальных объединениях. Например, Индия в ШОС затрудняется выдвинуть свою повестку из-за сопротивления Пакистана, но сохраняется выход с этой повесткой в РИК, где другой баланс сил. А Пакистан выходит со своей повесткой в «триаде» КНР-Иран-Пакистан⁴⁶.

С помощью триангуляции удастся избежать сложностей длительных обсуждений проблем, накапливаемых в крупных коалициях, особенно при системе принятия решения консенсусом. Все это подтверждает, что минилатеральные структуры, в ряде ситуаций являются более удобные, чем двухсторонние и многосторонние, включая вопросы сдерживания и формирования мер доверия.

⁴⁴ *Мафуанг Супатат* Сигнализация и тактическое хеджирование как политические инструменты при формировании минилатеральных коалиций безопасности на примере QUAD и AUKUS в Индо-Тихоокеанском регионе // *Мировая политика*. 2024. № 4.

⁴⁵ *Красавин И.* Гетерархия множества // *ЛОГОС*. 2017. Т. 27. № 3. С. 180.

⁴⁶ *O'Donnell F., Papa M.* Op. cit. P. 803.

Заключение

В современном мире, изобилующем параллельными и перекрестными институтами, выбор из множества возможных механизмов регулирования становится проблемой (зависимой переменной), которую необходимо объяснять в контексте альтернативных вариантов, отталкиваясь от независимой переменной (сложность и комплексность международных режимов)⁴⁷. Усложнение международных режимов за последние 15 лет приводит к тому, что «внешние отношения формируют объекты через ассамбляж, т.е. перекрестное соединение отношений: гетерархия является формой структуры, возникающей через такое перекрестное соединение»⁴⁸.

Как нормализовать взаимодействие форматов регулирования насилия, чтобы восстановить воздействие международного права? К.В. Богданов отмечает, что следствие общего нарастания «давления в котле мировой политики» — трансформация триплекса США-КНР-Россия в направлении все более высокого уровня противоборства сторон. И, тем не менее, «речь должна идти о том, как использовать эндогенные особенности “триплекса” в интересах поддержания стратегической стабильности и перестройки системы международной безопасности в условиях формирования нового — полицентрического — миропорядка»⁴⁹. С ослаблением гегемонии США, не справившихся с самопровозглашенной миссией, особую роль

⁴⁷ *Drezner D.* Op. cit. P. 132.

⁴⁸ *Delanda M.* Op. cit. P. 8.

⁴⁹ *Богданов К.В.* Указ. соч. С. 10.

вновь могут сыграть договоренности великих держав. Немалое значение имеет и то, что США вынуждены признать изменение соотношения потенциалов США < КНР + Россия, чтобы достигнуть договоренности в гетерархичной международной среде. По всей видимости, триангуляция, в лице основной стратегической и дополнительных триад, сыграет свою роль в уравнивании сил. И в перспективе определяющим будет не билатеральный, а уже трилатеральный договорный процесс.

В 1970-х гг. «треугольник» США–СССР–КНР в биполярном миропорядке, обеспечивая взаимное сдерживание, помог избежать столкновений США–СССР и СССР–КНР, ограничить опасные виды вооружения и испытания ядерного оружия. Договоренности держав оживляли формат международного права⁵⁰. В 2020-е гг. стратегическая триангуляция может стимулировать трехсторонние соглашения великих держав⁵¹. А они, наряду с обеспечением собственного выживания этих государств, поддержат авторитет международного права.

Для 2020-х гг. уместно замечание К. Уолтца: «Великие задачи могут быть выполнены только агентами с большими возможностями. Вот почему государства, и особенно крупнейшие из них, призваны делать то, что необходимо для выживания мира»⁵².

Такая стратегическая триангуляция может сначала реализоваться не в диалоговой платформе, а через связи позиций трех государств, регулируемые в зависимости от

⁵⁰ Мюллерсон Р. Нет права без баланса. Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2016. Июль/Август. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/net-prava-bez-balansa/>

⁵¹ Богданов К.В. Указ. соч. С. 10.

⁵² Waltz K.N. Op. cit. P. 109.

баланса сил (угроз) с постепенным переходом к договоренностям великих держав. Насколько сохранит значение принцип взаимного уничтожения для сдерживания, учитывая, что искусственный интеллект и IT-технологии усложнят оценку мощи государств? Аналитики предполагают приближение мира к 2030 г. «ядерной триаде» (КНР станет обладателем около 1 тыс. стратегических ядерных боезарядов)⁵³. В каком состоянии будет РИК, члены которого могут стать обладателями преимущества по развернутым ядерным зарядам? Не придется ли США сдерживать две, а то и три мощные ядерные державы? И как будут распределяться сторонники (союзники) по центрам мировых «полюсов»? Б. Робертс в свое время провел различие «трехполюсного» и «треугольного» миропорядка, что сохраняет свое значение и сегодня⁵⁴. К началу 2000-х гг. «полюс» формировался только вокруг США («однополюсный момент»). В 2020-х в этом «полюсе» заметны расхождения, явно проявившие в связи с вопросом о принятии Украины в НАТО, милитаризацией ЕС, а также СВО России на Украине. «Триада» США–КНР–Россия, хотя и обладает пока только слабыми связями косвенной координации, тем не менее, могла бы способствовать постепенному, относительно симметричному формированию трех «полюсов», приходя к двухсторонним и трехсторонним договоренностям держав.

2020-е гг. — переходный период, когда формируется пока только второй «двуглавый полюс» России и КНР, к которому тяготеют несколько государств из ШОС и БРИКС, включая

⁵³ *Тебин П.* Предчувствие трехполярного ядерного мира и место США в нем. М.: РСМД, 2022. С. 3.

⁵⁴ *Roberts B.* Tripolar Stability: The Future of Nuclear Relations Among the United States, Russia, and China. Alexandria: VA, Institute for Defense Analysis, 2002. P. S-2.

Индию, Бразилию, ЮАР, использующих, в том числе, свои «триады». Снова активизировались РИК и ИБСА. А стремление США и ЕС (НАТО) к конфронтации ведет мир к «двойной глобальной циркуляции» в финансовом и экономическом развитии⁵⁵. Но такая «циркуляция» может проецироваться в «параллельное» регулирование безопасности с перспективой «раздвоения» на противодействующие системы МО: одна на основе правил Запада и вторая на основе международного права (мировое большинство). Однако, на таком направлении США с союзными «триадами» будут обречены на непосильное «двойное сдерживание» с учетом мощи России и КНР. Это ведет к серьезным рискам для всей системы МО в экономической сфере и сфере безопасности. Проведение «цветных» революций, государственных переворотов, вряд ли, поможет расколоть РИК, БРИКС, ШОС, ИБСА.

Активизация стратегического «треугольника» США–КНР–Россия (с использованием дополнительных «триад») — важный фактор предотвращения нежелательного сценария «двойной циркуляции». Есть шансы для сценария активизации этой стратегической «триады», подводящей к миропорядку на основе не только баланса сил (угроз), но и договоренностей трех держав, а также других регуляторов, что позволило бы сдержать гонку вооружений, снизить напряженность во всем мире. И в целом, обеспечить более благоприятные условия для многополюсного миропорядка и международной безопасности и предотвратить третью мировую войну.

⁵⁵ *Ефременко Д.В.* Миропорядок Z // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3. С. 12–30. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/miroporyadok-z/>

ЛИТЕРАТУРА

Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Большой стратегический треугольник. М.: Московский Центр Карнеги, 2013.

Богданов К.В. «Задача трех тел»: «двойное сдерживание» в политике США и стратегическая стабильность // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 8. С. 5–16.

Грэм Т. Китай–Россия–США: отношения и стратегические треугольники // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 62–72.

Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контуры глобальных трансформаций*. 2021. Т. 14. № 3. С. 23–43.

Елацков А.Б. Обобщенная модель «геополитического треугольника» // *Грамота*. 2015. № 10(60). Ч. III. С. 1–12.

Ефременко Д.В. Мировопорядок Z // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 3. С. 12–30. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/miroporyadok-z/>

Капицын В.М. Политико-философские и социологические аспекты регулирования насилия в международных отношениях // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 2019. № 2. с. 7–23.

Кортунов А. Многосторонность в эпоху слабых институтов. Доклад, Фуданьский университет. М.: РСМД, 25–27 апреля 2024 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/mnogostoronnost-v-epokhu-slabых-institutov/87t6769869782>

Красавин И. Гетерархия множества // *ЛОГОС*. 2017. Т. 27. № 3. С. 173–198.

Мафуанг Супатат Сигнализация и тактическое хеджирование как политические инструменты при формировании минилатеральных коалиций безопасности на примере QUAD и AUKUS в Индо-Тихоокеанском регионе // *Мировая политика*. 2024. № 4. С. 30–40.

Мюллерсон Р. Нет права без баланса. Геополитика под прикрытием законности и морали // *Россия в глобальной политике*. 2016. Июль/Август. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/net-prava-bez-balansa/>

Ндзалама Матебула Понимание международного права через постинтернациональную теорию и гетерархию //

Katehon. 04.07.2024. URL:
<https://katehon.com/ru/article/ponimanie-mezhdunarodnogo-prava-cherez-postinternacionalnyuyu-teoriyu-i-geterarhiyu>

Тебин П. Предчувствие трехполярного ядерного мира и место США в нем. М.: РСМД, 2022.

Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003.

Худайкулова А.В. Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 53–73.

Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 5. С. 3–25.

Чжао Хуашэн «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. № 10 (2). С. 69–85.

Шлыков П.В. Турецкий кульбит // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 142–159.

Фэн Шаолэй «Асимметрия возможностей»: история треугольника Китай – Россия – США // Гуаньча. 24.01.2019. URL:
https://www.guancha.cn/FengShaoLei/2019_01_13_486674_1.shtml

Ashizawa K. Australia–Japan–US Trilateral Strategic Dialogue and the ARF: Extended Bilateralism or a New Minilateral Option? // Cooperative Security in the Asia-Pacific: The ASEAN Regional Forum / Eds. N.M. Morada, J. Haacke. Oxford; N.Y.: Routledge, 2010. P. 92–110.

Baumann R., Dingwerth K. Global governance vs empire: Why world order moves towards heterarchy and hierarchy // Journal of International Relations and Development. 2015. No. 18. P. 104–128. URL: <https://doi.org/10.1057/jird.2014.6>

Brown R.G. Chinese Politics and American Policy: A New Look at the Triangle // Foreign Policy. Summer 1976. No. 23. P. 3–24.

Caplow T.A. Theory of Coalitions in the Triad // American sociological review. 1956. Vol. 21. No. 4. P. 489–493.

Dee M. Minilateralism and effective multilateralism in the global nuclear order // Contemporary Security Policy. 2024. Vol. 45. No. 3. P. 494–524.

Delanda M. A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity. London: Continuum, 2006.

Dittmer L. The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis // [World Politics](#). July 1981. [Vol. 33](#). No. 4. P. 485-515. URL: <https://doi.org/10.2307/2010133>

Drezner D. The power and peril of international regime complexity // Perspectives on Politics. Working Paper. No. 07-03. Northwestern University, 2007-2008.

Green M.J. Strategic Asian Triangles // The Oxford Handbook of the International Relations of Asia / Eds. S.M. Pekkanen, J.Ravenhill, R. Foot. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 758-774.

Hall I. India's China strategy after Galwan: minilateral and multilateral soft balancing in the Indo-Pacific // International Affairs. 2025. Vol. 101. No. 5. P. 1-18.

Heterarchy in World Politics / Ed. Philip G. Cerny. N.Y.: Taylor & Francis, 2023.

Kerimov T.Kh., Krasavin I.V. Ontology of the multitude and heterarchy of the common // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. No. 13(8). P. 1298-1309.

Kissinger H. White House Years. N.Y., L., Toronto, Sidney: Simon & Schuster Inc., 2011. P. 776-870. URL: file:///C:/Users/д/Desktop/2025%20POC-КИТ%20конференции%2028%20марта%202025%20г/0_OceanofPDF.com_White_House_Years.pdf

Koga K. A new strategic minilateralism in the Indo-Pacific // Asia Policy. 2022. No. 17(4). P. 27-34.

Lake D.A. Escape from the State of Nature. Authority and Hierarchy in World Politics // International Security. Summer 2007. Vol. 32. No. 1. P. 47-79.

O'Donnell F., Papa M. India's multi-alignment management and the Russia-India-China (RIC) triangle // International Affairs. April 2021. P. 801-822.

Roberts B. Tripolar Stability: The Future of Nuclear Relations Among the United States, Russia, and China. Alexandria: VA, Institute for Defense Analysis, 2002.

Siltaloppi J., Vargo St. Triads: A review and analytical framework // Marketing Theory. 2016. Vol. 17. No. 4. P. 395-414. URL: <https://doi.org/10.1177/1470593117705694>

Sorpong Peou. Global Public Governance, Toward World Government? Toronto: Metropolitan University, 2002. URL: <https://doi.org/10.1142/12891>

Tatsumi Yuki. Introduction // US-Japan-Australia: Security cooperation. Prospects and Challenges / Edited by Yuki Tatsumi. Washington: Stimson Center, 2015.

The Anarchical Society in a Globalized World / Edited by R. Little, J. Williams. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006.

Tow W.T. The Trilateral Strategic Dialogue, Minilateralism, and Asia-Pacific Order Building // US-Japan-Australia: Security cooperation. Prospects and Challenges / Edit. by Yuki Tatsumi. Washington: Stimson Center, 2015. P. 23-36.

US-Australia-Japan strategic cooperation in the Indo-Pacific: Testing trilateralism through crisis simulation / Ch.J. Watterson, M.J. Green, P.J. Dean, N. Kanehara, K. Yamamoto, T. Matsu. Sydney, March 2024.

US-China-EU Relations Managing the New World Order / Ed. R. Ross, Ø. Tunsjø, Z. Tuosheng. L.: Routledge, 2010. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203860205>

Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading (Mass.): Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

REFERENCES

Arbatov, A. G., Dvorkin, V. Z. *Bol'shoj strategicheskij treugol'nik*. Moscow: Moskovskij Centr Karnegi, 2013.

Ashizawa, K. "Australia-Japan-US Trilateral Strategic Dialogue and the ARF: Extended Bilateralism or a New Minilateral Option?" *Cooperative Security in the Asia-Pacific: The ASEAN Regional Forum* / Eds. N. M. Morada, J. Haacke. Oxford; New York: Routledge, 2010, pp. 92-110.

Baumann, R., Dingwerth, K. "Global governance vs empire: Why world order moves towards heterarchy and hierarchy" *Journal of International Relations and Development*, No. 18, 2015, pp. 104-128. URL: <https://doi.org/10.1057/jird.2014.6>

Bogdanov, K. V. "«Zadacha treh tel»: «dvojnoe sderzhivanie» v politike SShA i strategicheskaja stabil'nost'" *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, Vol. 68, No. 8, 2024, pp. 5-16.

Brown, R. G. "Chinese Politics and American Policy: A New Look at the Triangle" *Foreign Policy*, No. 23, Summer 1976, pp. 3-24.

Caplow, T. A. "Theory of Coalitions in the Triad" *American sociological review*, Vol. 21, No. 4, 1956, pp. 489-493.

Chzhao, Huashjen "«Novyj treugol'nik» v otnoshenijah mezhdru Kitaem, Rossiej i SShA" *Sravnitel'naja politika*, No. 10 (2), 2019, pp. 69-85.

Cygankov, P. A. "Sistemnyj podhod v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij" *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki*, No. 5, 2013, pp. 3-25.

Dee, M. "Minilateralism and effective multilateralism in the global nuclear order" *Contemporary Security Policy*, Vol. 45, No. 3, 2024, pp. 494-524.

Degterev, D. A., Ramich, M. S. "Strategicheskie treugol'niki kak instrument balansirovanija v mirovoj politike" *Kontury global'nyh transformacij*, Vol. 14, No. 3, 2021, pp. 23-43.

Delanda, M. *A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity*. London: Continuum, 2006.

Dittmer, L. "The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis" *World Politics*, Vol. 33, No. 4, July 1981, pp. 485-515. URL: <https://doi.org/10.2307/2010133>

Drezner, D. "The power and peril of international regime complexity" *Perspectives on Politics. Working Paper*, No. 07-03. Northwestern University, 2007-2008.

Efremenko, D. V. "Miroporjadok Z" *Rossija v global'noj politike*, Vol. 20, No. 3, 2022, pp. 12-30. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/miroporyadok-z/>

Elackov, A. B. "Obobshhennaja model' «geopoliticheskogo treugol'nika»" *Gramota*, No. 10(60), Ch. III, 2015, pp. 1-12.

Fjen, Shaoliej "«Asimetrija vozmozhnostej»: istorija treugol'nika Kitaj - Rossija - SShA" *Guan'cha*, 24.01.2019. URL: https://www.guancha.cn/FengShaoLei/2019_01_13_486674_1.shtml

Green, M. J. "Strategic Asian Triangles" *The Oxford Handbook of the International Relations of Asia* / Eds. S. M. Pekkanen, J. Ravenhill, R. Foot. Oxford: Oxford University Press, 2014, pp. 758-774.

Grjem, T. "Kitaj-Rossija-SShA: otnoshenija i strategicheskie treugol'niki" *Polis. Politicheskie issledovanija*, No. 6, 2020, pp. 62-72.

Hall, I. "India's China strategy after Galwan: minilateral and multilateral soft balancing in the Indo-Pacific" *International Affairs*, Vol. 101, No. 5, 2025, pp. 1-18.

Heterarchy in World Politics / Eds. Philip G. Cerny. New York: Taylor & Francis, 2023.

Hudajkulova, A. V. "Geopoliticheskie treugol'niki v kontekste konkurencii tradicionnyh i voshodjashhijh centrov sily" *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, Vol. 13, No. 4, 2020, pp. 53-73.

Kapicyn, V. M. "Politiko-filosofskie i sociologicheskie aspekty regulirovanija nasilija v mezhdunarodnyh otnoshenijah" *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki*, No. 2, 2019, pp. 7-23.

Kerimov, T. Kh., Krasavin, I. V. "Ontology of the multitude and heterarchy of the common" *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, No. 13(8), 2020, pp. 1298-1309.

Kissinger, H. *White House Years*. New York: London, Toronto, Sidney: Simon & Schuster Inc., 2011. URL: file:///C:/Users/д/Desktop/2025%20РОС-КИТ%20конференции%2028%20марта%202025%20г/0_OceanofPDF.com_White_House_Years.pdf

Koga, K. "A new strategic minilateralism in the Indo-Pacific" *Asia Policy*, No. 17(4), 2022, pp. 27-34.

Kortunov, A. *Mnogostoronnost' v jepohu slabyh institutov. Doklad, Fudan'skij universitet*. Moscow: RSMD, 25-27 aprelja 2024 g. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/mnogostoronno-st-v-epokhu-slabykh-institutov/87t6769869782>

Krasavin, I. "Geterarhija mnozhestva" *LOGOS*, Vol. 27, No. 3, 2017, pp. 173-198.

Lake, D. A. "Escape from the State of Nature. Authority and Hierarchy in World Politics" *International Security*, Vol. 32, No. 1, Summer 2007, pp. 47-79.

Mafuang, Supatat "Signalizacija i takticheskoe hedzhirovanie kak politicheskie instrumenty pri formirovanii minilateral'nyh koalicij bezopasnosti na primere QUAD i AUKUS v Indo-Tihookeanskom regione" *Mirovaja politika*, No. 4, 2024, pp. 30-40.

Mjullerson, R. "Net prava bez balansa. Geopolitika pod prikrytiem zakonnosti i morali" *Rossija v global'noj politike*, No. 4, 2016, Ijul'/Avgust. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/net-prava-bez-balansa/>

Ndzalama, Matebula "Ponimanie mezhdunarodnogo prava cherez postinternacional'nuju teoriju i geterarhiju" *Katehon*, 04.07.2024. URL: <https://katehon.com/ru/article/ponimanie-mezhdunarodnogo-prava-cherez-postinternacionalnuyu-teoriju-i-geterarhiyu>

O'Donnell, F., Papa, M. "India's multi-alignment management and the Russia-India-China (RIC) triangle" *International Affairs*, April 2021, pp. 801-822.

Roberts, B. *Tripolar Stability: The Future of Nuclear Relations Among the United States, Russia, and China*. Alexandria: VA, Institute for Defense Analysis, 2002.

Shlykov, P. V. "Tureckij kul'bit" *Rossija v global'noj politike*, Vol. 21, No. 3, 2023, pp. 142-159.

Siltaloppi, J., Vargo, St. "Triads: A review and analytical framework" *Marketing Theory*, Vol. 17, No. 4, 2016, pp. 395–414. URL: <https://doi.org/10.1177/1470593117705694>

Sorpong, Peou. *Global Public Governance, Toward World Government?* Toronto: Metropolitan University, 2002. URL: <https://doi.org/10.1142/12891>

Tatsumi, Yuki. "Introduction" *US-Japan-Australia: Security cooperation. Prospects and Challenges* / Edit. by Yuki Tatsumi. Washington: Stimson Center, 2015.

Tebin, P. *Predchuvstvie trehpoljarnogo jadernogo mira i mesto SShA v nem*. Moscow: RSMD, 2022.

The Anarchical Society in a Globalized World / Edit. by R. Little, J. Williams. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

Tow, W. T. "The Trilateral Strategic Dialogue, Minilateralism, and Asia-Pacific Order Building" *US-Japan-Australia: Security cooperation. Prospects and Challenges* / Edit. by Yuki Tatsumi. Washington: Stimson Center, 2015, pp. 23–36.

US-Australia-Japan strategic cooperation in the Indo-Pacific: Testing trilateralism through crisis simulation / Ch. J. Watterson, M. J. Green, P. J. Dean, N. Kanehara, K. Yamamoto, T. Matsu. Sydney, March 2024.

US-China-EU Relations Managing the New World Order / Eds. R. Ross, Ø. Tunsjø, Z. Tuosheng. London: Routledge, 2010. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203860205>

Utkin, A. I. *Edinstvennaja sverhderzhava*. Moscow: Algoritm, 2003.

Waltz, K. N. *Theory of International Politics*. Reading (Massachusetts): Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

ОБ АВТОРАХ

Капицын Владимир Михайлович — доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: kapizin@yandex.ru.

Шао Цзянина — стажер кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: hellonina08@gmail.com.

ABOUT THE AUTHORS

Kapitsyn Vladimir Mikhaylovich — Doctor of Political Science, Professor, Program on Comparative Politics, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russia), e-mail: kapizin@yandex.ru

Shao Jianina is a trainee at the Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory, 1, 119991, Moscow, Russia), e-mail: hellonina08@gmail.com